

Дума постановила: принять предложение городской управы с тем, чтобы и часть рудников, устроенных по Гостинной улице, была тоже перенесена на указанное управою место, причём с течением времени поручить управе по ее усмотрению перенести на место бывшего шапочного ряда и все остальные рудники.

### Приказ г. Курского Полицеймейстера.

Замечено мною, что гг. Приставы, в последнее время, как бы перестали наблюдать за аккуратным и точным исполнением обязательных постановлений о порядке доставления полиции свдѣній о прибывающих из г. Курска и выбывающих из оного. Въ безразличном отношеіи гг. Приставовъ къ этому дѣлу убѣждаетъ меня расходъ адресныхъ листовъ за послѣдніе три мѣсяца въ подвѣдомственныхъ мнѣ Полицейскомъ Управленіи, — расходъ на столько незначительный въ сравненіи съ прошлыми годами, что, при неумѣненіи передвиженій, какъ мѣстнаго населенія, такъ и прибывающихъ въ городъ и выбывающихъ изъ оного, — даетъ мнѣ полное право высказать гг. Пристамъ свое крайнее недовольство за невниманіе ихъ къ такому въ высшей степени важному дѣлу, какъ веденіе отчетности о проживающихъ въ городѣ, прибывающихъ въ городъ и выбывающихъ изъ оного. Въ связи съ этимъ мною замѣчается и нерозыскъ лицъ, необходимыхъ разнымъ мѣстамъ и учрежденіямъ; а равно и увеличеніе проживающихъ съ видами просроченными, или даже вовсе безъ видовъ.

Имѣя въ виду, что на обязанности полиціи, согласно 586 ст. т. XIV уст. о пасп. и бѣг., изд. 1857 года лежить главный надзоръ за тѣмъ, чтобы въ свдѣніи не проживали съ просроченными видами и безпаспортные и чтобы такіе лица, нѣмѣя никакихъ привилегій и укрываемы, и что, на основаніи 600 ст. того же устава (по прох. 1886 года) чиновъ полиціи, неисполняющихъ опредѣленныхъ въ ст. 586 обязанностей, удаляютъ отъ должности и, кромѣ того, виновные еще подвергаются взысканіямъ по ст. 65-69 и 329-505 улож. о наказ. угол. и справ. изд. 1885 года, я поручаю гг. Пристамъ внимательнѣе относиться къ этой прямой своей обязанности, иначе виновныхъ можетъ ожидать, кромѣ удаленія отъ должности, еще и строгое взысканіе и наказаніе. Съ безпаспортными или проживающими съ видами просроченными, поступать по 614 ст. т. XIV уст. о пасп. и бѣг., изд. 1857 года. Затѣмъ чтобы имѣть постоянное наблюденіе за исполненіемъ подвѣдомственныхъ мнѣ чинами настоящаго моего распоряженія, я возлагаю на своего Помощника И. А. Криштофа ближайшій надзоръ за этимъ. При этомъ прошу его, обо всѣхъ неисправностяхъ, замѣченныхъ имъ по этому предмету, немедленно доводить до моего свѣдѣнія.

2. 10-я ст. обязательныхъ постановленій Курской Городской Думы о трактирныхъ заведеніяхъ, не смотря на всю свою ясность, вызвала въ одномъ изъ подвѣдомственныхъ мнѣ полицейскихъ чиновъ слѣдующій вопросъ: «подлежитъ ли ответственности содержатель трактирнаго заведенія за продажу крепкихъ напитковъ, если онъ совершаетъ эту продажу, въ предѣлахъ города, въ воскресные или праздничные дни до 9 часовъ утра, признаваемыхъ временемъ окончанія Божественной литургіи». Въ разрѣшеніе этого вопроса и въ дополненіе къ приказу моему отъ 11 Ноября сего года № 79, даю знать всѣмъ вообще подвѣдомственнымъ мнѣ чинамъ, для руководства въ будущемъ, что лица, открывшія трактирныя заведенія въ 6 часовъ утра и продающія крепкіе напитки въ воскресные и праздничные дни до 9 часовъ утра, безусловно подлежатъ отвѣтственности по 41 ст. уст. о наказ., налаг. Мир. Суд. Подтверженіемъ такого вывода, кромѣ самой 10 ст. думскаго обязательнаго постановленія, еще служатъ нижеслѣдующее: трактирныя заведенія, какъ объяснилъ я въ своемъ приказѣ за № 79, по цѣли своего учрежденія, служатъ такимъ помѣщеніямъ, гдѣ предлагается публикѣ главнѣе всего, горячая пища и чай; иначе «състѣнные припасы», о которыхъ говорить 16 ст. т. XIV уст. о предпр. и пресѣ, пресг. изд. 1876 года и которые дозволяется продавать ранѣе окончанія Божественной литургіи. Слѣдовательно продажа крепкихъ напитковъ ранѣе окончанія литургіи въ приходской церкви, или иначе до 9 часовъ утра, — наказывается по 41 ст. уст. о наказ. налаг. Мировыми Судьями. Такому же наказанію подлежатъ содержатели трактирныхъ заведеній, и за открытіе торговли крепкими напитками въ будни ранѣе 7 часовъ утра.

3. Замѣчено мною, что во многихъ мѣстахъ города, на тротуарахъ (напр. на Московской улицѣ, Гостинной) (клуба и др.) собираются массы празднаго люда, который, кромѣ того, что затрудняетъ движеніе по тротуарамъ для публики, еще позволяетъ себѣ всякаго рода обиды по адресу прохожихъ, въ особенности дамъ.

Независимо слѣющихъ приказаній, отданныхъ по этому поводу гг. Пристамъ, поручаю имъ немед-

ленно прекратить сборища на тротуарахъ и недопускать ихъ въ будущемъ. Виновныхъ къ наказанію этого моего распоряженія привлечь къ отвѣтственности по 73, 38 и 29 ст. уст. о наказ. налаг. Мир. Судьями. Распоряженіе это равнообразно относителю къ тѣмъ, которые во время гулянья публики по Московской улицѣ, собираются на балконахъ, что у здания Почтовой Конторы.

4. Опять на улицахъ города появилась масса бродячихъ собакъ. Обращаю на это вниманіе гг. Приставовъ.

### Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.

Его автобіографія въ «Русской Стринѣ» и о-споминанія о немъ его знакомыхъ.

Въ виду предстоящаго, 18-го сего ноября, празднованія въ С.-Петербургѣ полувѣковаго юбилея артистической дѣятельности Антона Григорьевича Рубинштейна, особенный интересъ представляетъ помѣщенная въ ноябрьской книжкѣ «Русской Стринѣ» автобіографія знаменитаго артиста и воспоминанія о немъ нѣкоторыхъ его знакомыхъ и учениковъ. При автобіографіи приложены два портрета Антона Григорьевича: одинъ, изображающій его въѣстѣ съ братомъ Николаемъ Григорьевичемъ въ юности, въ 1844 г., съ акварели Соколова, и другой, новѣйшій, съ фотографіи 1889 г. Приведемъ наиболѣе существенныя данныя какъ изъ автобіографіи, такъ и изъ воспоминаній другихъ лицъ.

А. Г. Рубинштейнъ родился въ 1829 году, ноября 16-го, въ деревнѣ Выхватинѣ, на берегу р. Днѣстра, на границѣ Подольской губ. и Бессарабіи, верстахъ въ 50-ти отъ Балты. Отецъ его, Григорій Романовичъ, родомъ изъ Бердичева, арендовалъ въ дер. Выхватинѣ участокъ земли, затѣмъ перѣхалъ въ Москву, гдѣ, въ Замоскворѣчьи, на Ордынкѣ, устроилъ довольно большую фабрику карандашей и булавокъ. Д-ръ Р. — чѣ говорить въ своихъ воспоминаніяхъ, что Григорій Романовичъ былъ человѣкъ вполне образованный, отлично говорилъ по-нѣмецки и немного по-французски; предки его были, вѣроятно, евреи; самъ онъ, впрочемъ, равно какъ и вся его семья, были исповѣданія православнаго. Супруга его, Калерія-Христофоровна, доселѣ здравствующая и живущая въ Одессѣ, была высокая, стройная, красивая женщина; она очень хорошо владела языками нѣмецкимъ и французскимъ; въ ней виднѣсь былъ еще немного еврейскій типъ; на языкѣ нѣмецкомъ она и до сихъ поръ ведетъ переписку съ сыномъ. Отличительное свойство ея характера — любовь къ правдѣ: это — ходячая истина, и это качество она цѣлкомъ передала своимъ дѣтямъ... Калерія Христофоровна вела дѣтей строго, требовала во всемъ правды, трудилась сама въ дѣлѣ ихъ воспитанія и отличалась замѣчательною выдержкой. «Матушка моя», — говоритъ А. Г., — была по происхожденію изъ прусской Силезіи, гдѣ получила порядочное образованіе, а главное — въ музыкѣ, что и дало ей возможность впоследствии начать обученіе своихъ дѣтей этому искусству, и я ей весьма много обязанъ, такъ какъ въ ней я имѣлъ первую по времени наставницу въ музыкѣ. Изъ трехъ братьевъ Антона Григорьевича, Николай умеръ довольно рано; второй, Яковъ, впоследствии докторъ, скончался въ 1865 г.; третій, младшій опять Николай, впоследствии былъ директоромъ московской консерваторіи. Сестеръ было двѣ: Любовь — въ замужествѣ за присяжнымъ повѣреннымъ Вейнбергомъ, въ Одессѣ, и дѣвица Софья, живущая съ матерью тамъ же, въ Одессѣ.

«На шестомъ году, — рассказываетъ А. Г., — матушка стала обучать меня музыкѣ, а затѣмъ и прочимъ моимъ братьевъ; со мною занималась она болѣе, быть можетъ потому, что скоро замѣтила во мнѣ склонность къ музыкѣ или, по крайней мѣрѣ, легкость ея поиманія и усвоенія. Занималась она со мной серьезно, даже очень строго относилась къ дѣлу, какъ тогда это было въ обыкновеніи, но, какъ потомъ рассказывала, безъ какой-либо предвзятой мысли, а просто потому стала обучать меня музыкѣ, что сама ее знала. Репертуаръ нашъ былъ: Гуммель, Герцъ, Моцартъ, Калькбренеръ, Черни, Дябелли, Клементи и другія тогдашнія музыкальныя свѣтила; ихъ я и началъ совершеннѣе ребенкомъ штудировать. Между тѣмъ въ Москву пріѣхала наша знакомая В. В. Грюнбергъ, жена доктора, и привезла дочь

Юлію, лѣтъ десяти, которая настолько уже была сильна въ музыкѣ, что стала давать, въ Москвѣ концерты. Успѣхи Юліи дали моей матушкѣ мысль еще серьезнѣе взглянуть на мое музыкальное образованіе. Она стала разспрашивать, кто въ Москвѣ лучший преподаватель музыки, и ей указали на А. И. Виллуана (Villoung), пользовавшагося въ то время въ Москвѣ большою извѣстностью. Его пригласили, онъ пріѣхалъ и весьма внимательно прослушалъ мою игру. Матушка тогда же сказала ему, что весьма желала бы видѣть въ немъ преподавателя музыки для меня, но, при недостаточности своихъ средствъ, не можетъ дорого платить за уроки. Виллуанъ поспѣшилъ отвѣчать, что онъ не нуждается въ деньгахъ и весьма охотно возьмется руководить моимъ музыкальнымъ образованіемъ совершенно безплатно. И вотъ сталъ онъ пріѣзжать къ намъ и давать мнѣ уроки. Онъ былъ затѣмъ моимъ единственнымъ учителемъ; болѣе его во всю мою жизнь учителей музыки (за исключеніемъ — теоріи музыки) нѣкому у меня не было. Восьми лѣтъ началъ я заниматься подъ руководствомъ Виллуана и тринадцати лѣтъ музыкальное мое обученіе кончилось; повторяю, кромѣ Виллуана у меня уже не было другого учителя. Виллуанъ скоро такъ сблизился со мною, что былъ для меня болѣе чѣмъ наставникъ, — онъ былъ для меня другимъ, вторымъ отцомъ...

«Весь поглощенный музыкой, — продолжаетъ А. Г., — я не помню, когда и какъ обучился грамотѣ. На десятомъ году жизни А. Г. уже выступилъ, по желанію Виллуана, въ концертъ, въ Петровскомъ паркѣ. Въ слѣдующіе три года — объѣхалъ съ своимъ наставникомъ всю Европу. Побѣда эта была предпринята съ цѣлью опредѣленія А. Г. въ парижскую консерваторію; но цѣль эта не состоялась и дѣло ограничилось только тѣмъ, что Виллуанъ давалъ въ различныхъ городахъ концерты, въ которыхъ выводилъ своего талантливаго ученика. По этому поводу А. Г. замѣчаетъ: «12-лѣтній мальчикъ, я не смущался и среда чопорныхъ массъ, леди и напыщенныхъ лордовъ — работы у меня вовсе не было. Музыкальная память моя дѣйствительно и тогда, и значительно послѣ — до пятидесятилѣтняго возраста, была громаднѣе, но съ 50 лѣтъ я чувствую, что она — не то, что начинаетъ слабѣть, а появилась какая-то мнительность, что-то вызываетъ то чувство боязни, которое охватываетъ меня нерѣдко въ тѣхъ случаяхъ, когда я захожусь на эстраду, за роялемъ, предъ многочисленною публикою... Трудно представить себѣ, какое тяжелое это чувство боязни, что вотъ-вотъ, въ тотъ или другой моментъ, память мнѣ измѣнитъ и я забуду или перепру то или другое мѣсто въ исполняемой пьесѣ; играть же по нотамъ — дѣло для меня непривычное, да и публика не превлекла видѣть меня за нотами. Думать, что если я забуду нѣкоторый мѣста въ выполняемой пьесѣ, то могу ихъ возмѣстить отъ себя — нельзя, такъ какъ въ эту минуту является сознаніе, что въ средѣ слушателей, конечно, множество лицъ, которая отлично знаютъ выполняемую пьесу и всякую неточность въ передачѣ ея легко замѣтятъ. Все это, повторяю, весьма болѣзненно дѣйствуетъ на меня и зачастую испытываешь за роялемъ такіе муки, какія лишь инквизиція могла бы выдумать, и это въ то время, когда публика, слушая, полагаетъ, что я совершенно покоенъ». Однако знаменитые историческіе концерты, данные Антономъ Григорьевичемъ въ 1885—86 гг. доказываютъ, что его сѣтованія на ослабленіе музыкальной памяти — покуда ничѣмъ не оправдываются.

Въ 1843 г. А. Г. съ Виллуаномъ вернулись въ Петербургъ, были представлены ко двору и А. Г. былъ обласканъ во дворцѣ и осыпанъ подарками. Изъ Петербурга онъ возвратился къ родителямъ. «Деньги», — рассказываетъ А. Г., — я къ нимъ не привезъ: деньги, добытыя во время путешествія съ концертовъ, пошли на покрытіе издержекъ и вообще на мой съ Виллуаномъ прожитокъ; но привезъ я нѣсколько драгоценныхъ подарковъ, которые скоро и отпущены были въ залогъ, въ ломбардъ, такъ какъ дѣла отца А. Г. стали въ это время идти хуже. По словамъ д-ра Р. — ча, Григорій Романовичъ былъ человѣкъ очень хлѣбосольный и по воскресеньямъ къ нему собиралось обыкновенно отъ 20 до 30 знакомыхъ. Онъ умеръ въ 1846 г., когда А. Г. съ братомъ были за границей, куда ихъ повезла на этотъ разъ мать съ цѣлью докончить ихъ музыкальное образо-